
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ НОРМАТИВИЗМ И ДЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОГИКА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

© 2012 С.И. Вележев
доктор юридических наук, доцент,
полковник внутренней службы
Самарский юридический институт ФСИН России
E-mail: velezhev@live.ru

Статья посвящена теоретико-методологическим проблемам использования социологического нормативизма и деонтологической логики в процессе проведения научных исследований государственно-правовых явлений.

Ключевые слова: методология, социологический нормативизм, деонтологическая логика, государственно-правовые явления.

Взяв за основу трехуровневую градацию методологии, следуя от общего к частному, можно, на наш взгляд, перейти непосредственно к методологии исследования нормативных и казуальных основ права. При этом на высшем методологическом уровне в качестве основных методологических подходов мы считаем необходимым выделить феноменологический подход, представленный социологическим нормативизмом, и синергетику.

Необходимость использования *социологического нормативизма* в качестве одного из основных подходов при исследовании феномена правовой нормы определяется уже самим объектом исследования, так как основу социологического нормативизма составляет именно учение о нормах.

В соответствии с теорией социального действия “ряд альтернатив в ориентирах действия детерминирован, он присущ отношению деятеля к ситуации и происходит от определенных общих свойств организма и от природы объектов в их отношении к этим организмам. Этот детерминированный ряд альтернатив, среди которых возможен выбор, определяет границы, в которых допустима вариабельность”¹. Из изложенного следует, что в понятии социальной нормы находит теоретическое объяснение феномен единообразия человеческого поведения, который существует объективно, несмотря на бесконечную вариабельность индивидуальных мотивов действия.

В современной отечественной юридической науке так называемое “нормативное правопони-

мание” занимает прочные позиции. Здесь сразу же следует указать на неточность названия этого типа правопонимания, на то, что определение “нормативное” не отражает в достаточной степени сути самого подхода к пониманию права, который часто определяется как нормативизм. Дело в том, что понимание права как системы норм не является существенным отличием рассматриваемого подхода от других подходов². Признак нормативности при характеристике правового феномена учеными-юристами, считающими себя нормативистами, является, безусловно, важным, но не основным, так как нормативностью обладает не только право, но и множество иных социальных регуляторов (обычай, традиция, мораль и т.д.). Специфика данного подхода к пониманию права заключается в том, что признак нормативности дополняется еще одним не менее важным признаком, характеризующим природу правовых норм, а именно их связью с государством. Только комплексное сочетание указанных признаков позволяет отразить особенность понимания права в рамках рассматриваемого подхода. Отсюда наиболее точно этот тип правопонимания может быть определен как нормативный позитивизм, поскольку в данном случае получают отражение как признак нормативности, так и признак государственного волеустановления³.

Например, М.И. Байтин с позиции нормативной концепции права формулирует следующее определение: “Право - это система общеобязательных, формально определенных норм, которые вы-

ражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются и санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений”⁴. Если вдуматься в смысл предлагаемого определения, то станет очевидным, что на самом деле не нормы составляют особый, лишь праву присущий признак. Только выражение государственной воли, издание и санкционированность этих социальных норм государством, а также государственная охрана от нарушений возможностью государственного принуждения, исходя из данного определения, позволяют отграничить право от морали и обычаев. Если убрать из предложенной дефиниции государственный признак, то особенность права будет полностью выхолощена, право сольется с моралью или обычаями. Таким образом, право объясняется через государство. И не определив понятия государства, мы не представляем возможным понять, что есть право. Но, когда мы обращаемся к понятию государства, предлагаемому вышеуказанным автором, то сталкиваемся с совершенно обратным явлением - с определением государства через право⁵.

Так, под государством предлагается понимать “организацию политической власти, необходимую для выполнения как сугубо классовых задач, так и общих дел, вытекающих из природы всякого общества”⁶. Поскольку данное определение носит слишком обобщенный характер, автор выделяет ряд существенных признаков государства, которые, “взятые в совокупности... объясняют его особое место и ведущую роль в политической системе общества” и отличают от других организаций классового общества: государство в пределах своих территориальных границ выступает в качестве единственного официального представителя всего общества, всего населения, объединяемого им по признаку гражданства, государственного суверенитета; “государство издает законы и подзаконные акты, обладающие юридической силой и содержащие нормы права... Правотворчество - исключительная прерогатива государства”; “государство есть сложный механизм (аппарат) управления обществом”, состоящий из органов, особенность которых состоит в “государственно-властном характере их полномочий, что связано с обязательным юридическим закреплением формирования и деятельности этих органов и основанной

на этом способности издавать правовые акты и охранять их от нарушений”; государство - единственная в политической системе организация, располагающая правоохранительными органами; только государство располагает вооруженными силами и органами безопасности; “один из важнейших признаков государства, так или иначе соприкасающийся со всеми рассмотренными выше и обобщающий некоторые из них, - это тесная органическая связь государства с правом, представляющим собой экономически и духовно обусловленное нормативное выражение государственной воли общества, государственный регулятор общественных отношений. Трудно найти в истории пример, когда бы государство могло обходиться без права, а право - без государства”⁷.

Нетрудно заметить, что, по крайней мере, четыре признака (3-й, 4-й, 5-й, 7-й) из семи перечисленных и относимых автором к существенным, могут быть поняты и объяснены только через понятие права.

Аналогичный нюанс мы встречаем и у А.Ф. Черданцева. В частности, позитивное право ученый определяет как “систему общеобязательных, формально-определенных норм (правил поведения), генетически и функционально связанных с государством, выражающих согласованные интересы и волю общества, содержание которых вытекает из природы и характера господствующей в обществе системы экономических, политических и иных отношений”⁸. Под государством предлагается понимать “территориальную, суверенную организацию политической власти в классовом обществе, делающую свои веления общеобязательными с помощью законов, опирающуюся на организованное принуждение, обладающую монополией на сбор налогов”⁹.

Очевидно, что как в первом, так и во втором случае налицо формально-логическая ошибка, так называемый “круг” в определении: позитивное право определяется через государство, определение которого в свою очередь включает такой признак, как позитивное право (закон). По точному замечанию В.Д. Зорькина, создается “порочный круг в вопросе о соотношении права и государства: с одной стороны, право творится государством и есть совокупность его велений, приказов; с другой - само государство представляет собой правовое явление”¹⁰.

С точки зрения исторического материализма, государство и право суть две “неразделимые сто-

роны одной медали”, явления, возникшие не в разное время и не параллельно, а одновременно и нераздельно, как разные выражения *одной* сущности. Таким образом, объяснение какой-либо из сторон этого единства (например, права) с необходимостью предполагает объяснение и другой стороны (государства). Только так может быть дано понятие целостного государственно-правового феномена (т.е. и государства и права в их нераздельности), а через него и отдельных сторон.

Наряду с социологическим нормативизмом методологическую основу настоящего исследования составляет деонтологическая логика. В основе *деонтологического подхода*, по И. Бен-таму, лежит разграничение всех законов на законы сущего и законы должного. Согласно концепции И. Бен-тама в законах долженствования, подчиняющих себе социокультурное бытие людей, действует не принцип детерминации, а принцип вменения. Посредством правовых норм этот принцип устанавливает связи долженствования между субъектами и типами их поведения. Логическая конструкция, соответствующая принципу вменения-долженствования, дуалистична: “Если - то”. *Если* совершено нарушение установленного правила поведения, *то* должны следовать определенные негативные последствия относительно нарушителя. И наоборот, *если* совершено общественно полезное и в определенной степени значимое деяние, *то* должны наступить некие благоприятные последствия, т.е. поощрение.

Как уже отмечалось выше, с точки зрения сторонников нормативного позитивизма, право - это регулятор общественных отношений, представляющий собой систему общеобязательных, формально определенных норм, которые выражают государственную волю (классовую или общенародную) и которые установлены, санкционированы и охраняются от нарушений государством¹¹. При этом норма права рассматривается как некое правило, модель должного поведения. “Нормы фиксируют не то что есть, а то, что должно быть. Нормы не могут быть истинными или ложными. Характеристикой истинности и ложности они не обладают”¹².

Но установленная государством норма не всегда может быть осуществима на практике. Заданная законодателем модель *должного* поведения не всегда переходит в *сущее*. Бывает, что законодатель устанавливает правила, противоречащие объективным законам развития общества или

даже природы. Представляется, что такие нормы обратить из должного в сущее просто-напросто невозможно, они заведомо неосуществимы. Будет ли, например, являться нормой права формально закрепленный обращенный ко всем гражданам запрет на использование законов земного притяжения или предписание, обязывающее не болеть гриппом? Представляется, что это полный абсурд, невыполнимый, даже если со стороны государства будут применяться за его несоблюдение меры принуждения. Но эти абсурдные требования с точки зрения нормативного позитивизма должны рассматриваться как правовые, поскольку соответствуют ряду существенных признаков:

во-первых, они могут быть формально определены, текстуально прописаны в соответствующих документах, закреплены в формально-юридических источниках права;

во-вторых, они могут выражать государственную волю. Так, здравоохранение рассматривается как одна из функций государства, и, следовательно, государственный запрет на болезнь выступает как правовая форма ее реализации;

в-третьих, рассматриваемые требования могут исходить от государства. Соответствующий документ принимается согласно установленной государством процедуре уполномоченным, компетентным государственным органом, например правительством;

в-четвертых, эти исходящие от государства требования могут охраняться от нарушений возможностью государственного принуждения. Конечно, в данном случае невозможно привлечь всех нарушителей к юридической ответственности, но это и не является главным. Главное, что такая ответственность предусмотрена и ее наступление *возможно*. В конце концов, и за нарушение реально реализуемых государственных требований юридическая ответственность по объективным причинам наступает далеко не всегда.

Приведенный пример намеренно сведен до абсурда, чтобы показать, к чему может привести безоговорочное следование логике нормативного позитивизма. Вместе с тем история демонстрирует порой не менее наглядные примеры из реальной жизни.

Необходимо отметить, что следование такой логике далеко не всегда ведет к безобидным последствиям. В этой связи следует вспомнить, например, законодательство фашистской Германии, в котором закреплялось заведомо нереали-

зуемое требование соблюдения расовой чистоты. Так, в Законе “О восстановлении профессионального статуса чиновничества” закреплялось, что “все нечистокровные чиновники, служащие и рабочие в пределах рейха подлежат увольнению”¹³. В другом Законе “Об имперском гражданстве” закреплялось, что гражданином рейха мог стать лишь тот германский подданный, у которого в жилах течет “немецкая или родственная кровь...” (§ 2)¹⁴. Указом под названием “Запрет на браки” категорически запрещались браки: 1) между арийцами и евреями; 2) между “евреями на одну четверть” и евреями; 3) между “евреями на одну четверть” и “евреями на одну четверть”¹⁵.

Сегодня почти ни у кого не вызывает сомнения, что перечисленные нормы абсурдны и заведомо невыполнимы. Вместе с тем следует согласиться с тем, что “распространенность нормативистского мировоззрения ощущается и сегодня. По-прежнему сохраняется убеждение, что с помощью хороших законов можно изменить ситуацию. В основе подобных взглядов... объектоцентристская позиция понимания человека: не человек себя утверждает в мире, свободно развивает свое творческое начало, реализует нравственные ценности, а условия диктуют ему форму жизни, современное государство и его институты, присвоившие себе функцию руководить человеком”¹⁶.

Возникает вопрос: неужели правом может стать самая нелепая и заведомо не реализуемая фантазия законодателя? Этот вопрос в разной постановке не раз возникал в юридической науке, но сколько-нибудь убедительного ответа на него от сторонников нормативного позитивизма до сих пор не получено. Чаще всего он ими просто не рассматривается¹⁷.

Предвосхищая некоторые возражения по данному вопросу, считаем необходимым обратить внимание еще на один немаловажный момент. Нам могут возразить, что сторонники нормативно-позитивистского правопонимания, говоря о том, что право есть регулятор общественных отношений, само собой подразумевают возможность *реального осуществления* установленных государством норм, что сам регулятор немислим без результатов регулятивного воздействия, в противном случае он перестает быть собственно регулятором. И в принципе это возражение можно было бы принять, если бы не одно “но”.

Все дело в том, что право с точки зрения рассматриваемого подхода выступает как регулятор, т.е.

как некое средство, *предполагающее* регулирование общественных отношений. Но между средством регулирования и системой, *фактически осуществляющей регулирование*, лежит целая пропасть, примерно такая же, как между средством и результатом. При помощи средства, даже созданного в конкретных целях, не всегда удается достичь желаемого результата, так как желаемое может не согласовываться с возможным, не отвечать объективным закономерностям. Также и устанавливаемые государством правила поведения могут идти вразрез с объективными законами социального развития.

Надо сказать, что слабость такого узконормативного подхода осознается и некоторыми сторонниками нормативного правопонимания. Так, еще в конце 1970-х гг. во время развернувшейся в журнале “Советское государство и право” дискуссии о проблемах понимания права А.Ф. Черданцев справедливо отметил: “...в определении можно... акцентировать внимание на том, что право - не просто регулятор, а система норм, регулирующая общественные отношения, т.е. система действующая, функционирующая, а не только существующая в идеале или на бумаге”¹⁸.

И действительно, только через фактические общественные отношения возможно понять, действует данная нормативная система или “только существует в идеале или на бумаге”, возможна ли вообще реализация нормативных требований. Только реальные общественные отношения позволяют определить, является ли данная статья закона объективным отражением социально-экономического содержания, может ли она перейти из должного в сущее, а точнее сказать, является она правовой формой или пустым пожеланием законодателя.

Возникает вопрос: почему же это вполне резонное предложение до сих пор не нашло своего воплощения в определениях права, предлагаемых сторонниками нормативного позитивизма? Отсутствует предложенная поправка и в определении права, сформулированном профессором А.Ф. Черданцевым в написанном им учебнике по теории государства и права¹⁹. Представляется, что это не случайно. Ведь ввести в определение положение о том, что право есть “система действующая, функционирующая”, - значит невольно расширить дефиницию, включить в нее деятельностный аспект, аспект социального взаимодействия - регулируемые общественные отношения, а это противоречит нормативно-позитивистскому пониманию права.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что позитивное значение нормативизма заключается в том, что такой подход: во-первых, позволяет создавать и совершенствовать систему законодательства; во-вторых, обеспечивает определенный режим законности, единообразное применение норм и индивидуально-властных велений; в-третьих, содействует формированию “нормативного” представления о праве как формально-логической основе правосознания граждан; в-четвертых, обеспечивает формальную определенность права, что позволяет четко обозначать права и обязанности субъектов, фиксировать меры и средства государственного принуждения; в-пятых, позволяет абстрагироваться от классово-политических характеристик права, что особенно важно при правоприменении.

Ущербность нормативного подхода усматривается в его отрицании обусловленности права потребностями общественного развития, в игнорировании естественных и нравственных начал в праве и роли правосознания в реализации юридических норм, в абсолютизации государственного влияния на правовую систему.

Анализ вышеприведенных, диаметрально противоположных концептуальных подходов к пониманию признака нормативности позволяет прийти к выводу о недопустимости как чрезмерного увлечения исключительно нормативным аспектом при формулировке теоретического понятия права, так и полного игнорирования нормативной основы права. Право как сложная регулятивная система, безусловно, имеет нормативную основу. Но при этом признак нормативности не является единственным, существенным признаком права, так как наряду с правом существует множество иных регулятивных систем, также носящих нормативный характер. Таким образом, нормативность - это свойство, не обособляющее право, не отличающее его от иных социальных регуляторов, а наоборот, свойство, указывающее на принадлежность права к этим регулятивным системам.

Поэтому, ведя речь о нормативности права, мы, скорее, характеризуем не существенный самостоятельный его признак, а один из признаков, при помощи которых возможно сформулировать понятие права, только если они находятся в системном единстве. При этом нормативность предполагает наличие следующих социальных характеристик феномена “право”: это система общезначимых правил поведения; за каждым правилом поведения обязательно стоит

санкция - наказание или поощрение; установленные правила всегда содержат постоянную возможность отклонения (неисполнения или нарушения), иначе они были бы независимыми от выбора субъекта; субъективная сторона нормы проявляется не только в решении субъекта следовать ей, но и в ожиданиях аналогичного поведения от других людей. При этом нормативность права имеет и свою специфику. Она “отличается от нормативности морали и иных социальных норм тем, что большая часть правовых норм носит предоставительно-обязывающий характер”²⁰.

¹ Parsons T., Shils E. *Toward a General Theory of Action*. N.Y., 1962. P. 6.

² Так, нормативная природа права, как правило, не отрицается и в рамках естественно-правовой доктрины.

³ Оль П.А. *Правопонимание: от плюрализма к двуединству*: монография. СПб., 2005.

⁴ Байтин М.И. *Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков)*. Саратов, 2001. С. 81-82.

⁵ Оль П.А. *Указ. соч.*

⁶ Байтин М.И. *Сущность и типы государства // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000. С. 51.*

⁷ Марков Ю.Г. *Функциональный подход в современном научном познании*. Новосибирск, 1982. С. 51-52.

⁸ Черданцев А.Ф. *Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2001. С. 171.*

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Зорькин В.Д. *Юридический позитивизм // История политических и правовых учений / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1983. С. 497.*

¹¹ См.: Мицкевич А.В. *Общее “нормативное” понятие права и его место в марксистском правопонимании // Советское государство и право. 1988. № 6. С. 13; Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 81-82; Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 171; и др.*

¹² Черданцев А.Ф. *Указ. соч. С. 208.*

¹³ Мельников Д.Е., Черная Л.Б. *Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933 - 1945. М., 1989. С. 139.*

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ Там же. С. 140.

¹⁶ Букреев В.И., Римская И.Н. *Этика права: От истоков этики и права к мировоззрению. М., 2000. С. 85.*

¹⁷ Оль П.А. *Указ. соч.*

¹⁸ О понимании советского права: “круглый стол” // *Советское государство и право. 1979. № 7. С. 69.*

¹⁹ См., например: Черданцев А.Ф. *Указ. соч. С. 171-189.*

²⁰ Лейст О.Э. *Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 53.*